

Вместе с тем в рассказах этих, особенно тех, которые записаны от говорящего по-якутски населения долины Оленека и Нижней Лены, имеются безусловно мифологические черты южного происхождения. Сюда относится прежде всего представление о том, что великаны далекого севера сплошь покрыты волосами. Эта черта больше всего напоминает мифических лесных духов-баянаев якутской мифологии. С представлениями о лесных духах — хозяевах зверей и покровителях охотников — теснейшим образом связана и такая характерная деталь, как рассказ о брачной ночи охотника с хозяйкой жилища на заморском острове и о том, как она награждает его за любовь богатыми дарами в виде тюка драгоценной пушнины. Это обязательная деталь древней охотничьей мифологии сибирской тайги, в центре которой стоит образ лесной женщины — владычицы зверей, иногда женщины-зверя, вступающей в половое общение с охотником и дающей ему охотничью удачу — счастье.

За счет отражения южной мифологии следует отнести и такой элемент этих сказаний, как заменяющий реальную жировую лампу «излучающий свет чудесный камень». О таком камне, освещающем местность ночью, рассказывает, например, арабский писатель Абу-Долеф, по словам которого этот камень водится будто бы в стране Хирхизов.

Есть, разумеется, и еще более далекие параллели, возможно, указывающие на источник легенд, откуда они появились у енисейских киргизов, находившихся в общении с странами Средней Азии и Ираном. В старой иранской легенде говорится, например, что сасанидский царь Ануширван сидит в могиле, а на тыльной части его руки перстень с драгоценным камнем, от которого исходит свет, освещающий тьму гробницы.¹²

Представления о «бородатых», поросших шерстью, диких людях Севера известны на юге тоже давно. Еще Шильбергер в начале XV в. (около 1410 г.) слышал, что в Сибири есть гора, за которой находится пустыня, доходящая «до края света». На горе живут дикие лошади и дикие люди, не имеющие постоянных жилищ и сплошь покрытые волосами, за исключением лица и рук. Они питаются листьями и травой и чем придется. Владетель Сибири будто бы даже подарил одному из властителей «Великой Татарии» Едигею двух диких людей, мужчину и женщину, пойманных на этой горе.¹³

Эти черты вплелись в древнюю ткань арктических рассказов несомненно тогда, когда на север проникли тюркоязычные якуты, принесшие с собой отголоски степной мифологии и мифов, существовавших когда-то у хыргызов на Енисее и у их соседей в Прибайкалье курыканов, а также у забайкальских тюрков-уйгуров.¹⁴

Но на этом история легенды о стране «бородатых» не кончалась.

Со временем, когда на севере Азии появились русские, они не только легко восприняли рассказы и представления аборигенов об островах в Ледовитом море, но развили их дальше, придали им новую окраску соответственно своим представлениям и мировоззрению. В легендах о «земле бородатых» отразилась наивная крестьянская мечта о вольной земле без властей и податей, а также легенда старообрядцев о своего рода граде Китеже. Так, в Якутске И. Д. Сельскому рассказывали о существовании «свиздавна каких-то жителей, прежде сосланных, потом бежавших и поселившихся на неизвестных островах Ледовитого моря.

¹² А. Ф. Розенберг. Хосрой I Ануширван и Карл Великий в легенде. — Живая старина, 1912, I.

¹³ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941, стр. 52—53.

¹⁴ См.: А. П. Окладников. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. — В кн.: История ЯАССР, т. I. М.—Л., 1955.